

И.Л.КЫЗЛАСОВ

(Москва)

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТЮРКСКОЙ РУНОЛОГИИ

Бұл мақалада түркі сына ескерткіштерін зерттеудің өзіндік ерекшеліктері мен бүгінгі күнге дейінгі жеткен жетістіктері жан-жақты талданып, алдағы уақытта атқарылуы тиіс жұмыстардың бағыттары көрсетілді.

Bu makalede, Şecerî Türk Anıtları araştırma çalışmalarının kendine mahsus özellikleri ile çalışmalar sonucunda bugüne kadar elde edilen başarılar etraflıca incelenip, önümüzdeki günlerde yapılması icap eden hedef çalışmaları gösterilmektedir.

280 лет назад европейская наука, впервые вступив на земли хакасов, лишь за три года до этого присоединённые к России, сделала удивительное открытие. Она встретила в глубинах Сибири то, что менее всего готова была там встретить. В августе 1721 г. в долине хакасской речки Уйбат она получила возможность понять, что пришла не на дикие и неосвоенные, как думалось, земли, а в страну древней цивилизации. И, поскольку ею были открыты памятники монументальной письменности, — в страну высокой цивилизации. Цивилизация эта непрерывно существовала на Саяно-Алтайском нагорье многие столетия — известные памятники енисейского письма создавались в течение 6-7 веков — с VIII и по конец XIII — начало XV вв.

Столетие после открытия Д.Г. Мессершмидта учёный мир знал загадочные письмена только на землях Хакасии. Лишь в 1818 г. Г.И. Спасский сообщил о существовании таких же надписей на Алтае, в 1799 г. Г.Н. Потанин обнаружил первый памятник руноподобного письма в Туве, а в 1889 г. Н.М. Ядринцев сделал это в Монголии. Поскольку на протяжении XVIII и XIX вв. исследования проходили в долинах Енисея, эта письменность получила название енисейского рунического письма. *Рунической* письменность была названа за казавшееся сходство с европейскими германскими рунами. Сходство не подтвердилось, название же прижилось в науке. Утверждению наименования *енисейское* способствовала публикация надписей, изученных в Хакасии и Туве экспедицией И.Р. Аспелина, под названием "Inscriptions de l'énisse" (1889). С изданием второго альбома "Inscriptions de l'Orkhon..." (1892), посвященного надписям Монголии, распространилось название *орхонские* надписи. Азиатские рунические письмена стали обобщённо именовать *орхоно-енисейской письменностью*. Географические определения письмен были введены потому, что наука на протяжении 6 поколений не в силах была узнать, какие народы и на каких языках оставили эти камнеписные тексты.

Историю открытия руноподобных письмен в самой Европе также следует начинать с XVIII в. Он завершился открытием в 1799 г. у Надь-Сент-Миклош

клада сосудов с резные знаки неведомого письма. Лишь через сто лет, в 1899 г., Д.М.Струковым были найдены надписи на камнях Маяцкого городища на Дону. Незадолго до этого (1896 г.) были открыты рунические надписи на р. Талас в Средней Азии. Название рунических было распространено и на все эти написания, в чем отразилась уверенность исследователей в тюркоязычности резных надписей к западу от Южной Сибири и Центральной Азии. На протяжении всего XX в. рунические надписи Венгрии и Болгарии, Румынии и Европейской России, Северного Кавказа и Средней Азии учёные пытались прочесть по-тюркски, основываясь на звуковом значении орхонского и енисейского алфавитов или вариантах понимания начертаний надъсентмиклошского клада. Неудачи следовали за неудачами.

Причина крылась в совершенно различном происхождении тех письменных систем, которые воспринимались как родственные. Подробный палеографический разбор, произведённый в конце минувшего века, показал, что на территории степной Евразии бытовали три самостоятельных группы алфавитов, традиционно и условно называемых руническими: I. Тисский (надъсентмиклошский) алфавит, стоящий обособленно; II. Евроазиатская группа письмен (донской, кубанский, ачикташский, исфаринский и южноенисейский алфавиты); III. Азиатская группа азбук (енисейский, орхонский и таласский алфавиты). У каждой из этих групп свои, а не общие корни, поэтому нет оснований привлекать знаки одной из них для прочтения надписей другой или третьей. Надписи евроазиатской группы алфавитов (II) и тисское письмо (I) следует признать недешифрованными. Осознание этой ситуации порождает новые подходы к изучению всех надписей и алфавитов. Развитие этих подходов и следует считать главным направлением рунологии в новом веке.

В XX в., подобно XIX-му в., основание развитие нашей науки шло в области изучения енисейской и орхонской письменностей. Подлинники азиатских рунических надписей находятся в немногих странах мира. Вклад в исследования оригиналов, более всего вносило и вносит российское востоковедение. Воздавая дань уважения первооткрывателям, можно сказать, что Д.Г. Мессершмидт открыл енисейские надписи миру, Н.М. Ядринцев создал условия для их дешифровки, В. Томсен определил буквы и язык письма, В.В. Радлов постиг содержание текстов, С.Е. Малов создал школу советских руноведов-филологов, а Л.Р. Кызласов заложил верное историческое понимание енисейских текстов и хронологические основы рунической палеографии. В XX в., благодаря превращению археологии в массовую науку, были обнаружены и изучены многие новые рунические надписи. Если Д.Г. Мессершмидту были известны 3 енисейские надписи, В.В. Радлову — 45, то к началу 1980-х годов в бассейне Енисея было учтено 135 письменных памятников. Ныне в Южной Сибири надписей енисейского письма, известно около 300. В Монголии открыты новые величественные стелы с орхонскими письменами (прежде всего относящиеся к Уйгурскому каганату, опубликованные С.Г. Кляшторным) и многие наскальные надписи того же енисейского письма. Установлено распространение енисейской письменности от Иртыша в Казахстане до Лены в

Восточной Сибири. Продолжена, заложенная В.В. Радловым, отечественная традиция изучения филологами подлинников рунических надписей на месте их обнаружения или в музейных коллекциях (С.Е. Малов, А.М. Щербак, Д.М. Насилов, И.А. Батманов, А.С. Аманжолов, И.В. Кормушин, К. Сейдакматов, В.М. Надеяев). Задача специального собирания памятников рунического письма и их сохранения, в XIX в. разрешаемая более всего усилиями Минусинского музея, ныне достойно продолжена иными сибирскими музеями (прежде всего — Кызыльским). Специальные издания, представляющие все типы известных памятников или сборники надписей, выполненных одной системой рунического письма (книги С.Е. Малова 1951, 1952 и 1959 гг.), сменились сначала попыткой создать их своды по географическому принципу (Д.Д. Васильев, 1983 г.), а затем работами, группирующими надписи по жанрам в пределах одной рунической письменности (книга И.В. Кормушина об енисейских эпитафиях, 1997 г.; автором этих строк, собран материал для сводов надписей на предметах и на скалах всех территорий Саяно-Алтайского нагорья). Однако в сопоставительном плане вся эта весьма успешная и многотрудная работа лишь в размерах отличается, а по сути и подходам вполне сравнима с рунологической деятельностью XIX в. Главные достижения, способные обеспечить прорыв к новому знанию, приходится, на мой взгляд, как и в прошлом, на последнее десятилетие минувшего века.

Изложу их здесь кратко — подробные обоснования содержатся в названных в конце статьи специальных работах. Важно понять и причины неудач, постигших нашу науку.

1

Лишь в последние десять лет до конца осозналось, что *тюркская рунология — это не филология*. А особая отрасль науки, более всего принадлежащая эпиграфике, в меньшей степени — к археографии. У этой науки, которую точно следовало бы именовать *рунической эпиграфикой*, свой предмет изучения. И это не письменный язык, не словесный текст, а сама надпись, ее облик: от техники нанесения и формы знаков до места и особенностей размещения. У этой науки и свои методы исследования. Они прежде всего направлены на достоверное, точное восприятие и воспроизведение старинных текстов, измененных воздействием времени и людей. Эти методы совершенно незнакомы лингвистам, а более присущи археологам, в особенности тем, кто изучает древние изображения. Такая работа требует умения на камне или металле, терракоте или штукатурке, кости или дереве отличать намеренные рукотворные борозды и углубления от естественных и случайных повреждений, равно как и не смешивать первоначальные резы или выбоины с более поздними, не относящимися к самой надписи.

Филологи получают для исследования лишь результат работы эпиграфиста. И поэтому руническая эпиграфика — это вспомогательная дисциплина. Но только она в состоянии предоставить лингвистам твердую почву для исследований. Чтобы ясно показать расхождения тюркской рунологии и

тюркского языкознания перечислю основные этапы исследования древнего письменного памятника.

Филологи сами не добывают рунические источники, надписи отыскивает археолог или краевед. Минуя этот этап, тюркологи не только оставляют вне внимания, надписи, сохранившиеся на месте создания (а число их огромно, их большинство), но и не учитывают условий их первоначального расположения. Это закономерно влечет за собою неверное прочтение или толкование. История рунологии знает курьёзные примеры прочтения крупными учёными наскальных строк в качестве надмогильной надписи ("эпитафия на скале, около д. Сулек", Е 39; Малов С.Е., 1952) или средневековой надписи на камне кургана раннего железного века как надгробного текста (Усть-Сос, Е 134; Кормушин И.В., 1997 а); подобные ошибки присущи и историкам. Для археолога и эпиграфиста немыслимо отторжение текста от назначения изделия, наделённого надписью (нередкое у филолога: возьмём пример прочтения рун на монетах или сосудах Е 81 и Е 82; Боровков А.К., 1963 г.). Недопустимо игнорирование и иных обязательных компонентов письменного памятника, скажем, фамильно-личных тамг, отличавших аристократов-мужчин. Невероятно прочтение наделённых тамгами эпитафий Е 6 и Е 20 как женских (Кормушин И.В., 1986, 1997). Возникновение уже на первом исследовательском этапе таких серьезных расхождений указывает на присущие этим специалистам различные сферы научной деятельности.

Второй этап в исследовании письменного памятника полностью принадлежит к области эпиграфики. Это то самое установление первоначального, достоверного облика надписи, ее буквенного состава, о котором уже шла речь. Огрехи на этой стадии изучения и копирования текста, нередко допускаемые людьми не знакомыми с названными выше процедурами, — наиболее частая причина неверного прочтения древних надписей. Филология не готовит исследователей к этой важнейшей процедуре. Не раз приходилось наблюдать удивление, даже растерянность специалистов-тюркологов, впервые увидавших подлинные камнеписные енисейские тексты, а до этого знавшие о них лишь по рисункам и публикациям: "Как же можно здесь что-нибудь разглядеть?" Для этого недостаточно стремления к точности и трудолюбия. Человек начинает вполне квалифицировано копировать наскальные рисунки и древние надписи примерно через три года целенаправленной работы с ними.

Можно сказать, что у тюркской филологии, занимающейся руническими надписями, и у собственно рунологии разные источники исследования. Вопреки внимательному XIX в., до дешифровки и сразу после неё тщательно собиравшему все встречаемые учёными рунические надписи, языковеды XX в. сосредоточили внимание на текстах орхонских эпитафий. Даже енисейские стелы привлекали значительно меньше внимания. Совершенно в тени "царских" стел Монголии остались краткие начертания, нанесённые на скалы, отдельные камни и предметы. Таковую ситуацию легко понять: разбирать малые тексты особенно трудно, а языковой материал в них невелик, с точки зрения филолога

этот труд не оправдан. Зато археолог и эпиграфист никак не могут оставить без внимания даже отдельно начертанный письменный знак — сфера их исследований покрывает все области бытования письменности в древних обществах.

Говоря о невнимании филологов к кратким текстам, назову и иную его причину, опровергаемую ныне рунической эпиграфикой. Это убежденность языковедов в культурной неразвитости стран и людей, оставивших енисейские рунические надписи. Наиболее ясно, со свойственной для высоких учёных аналитической откровенностью она выражена, пожалуй, двумя крупнейшими тюркологами современности — в Великобритании сэром Дж. Клосоном (1962, с. 68, 69), в Отечестве А.М. Щербаком (2001, с. 21, 22). У первого почтенного автора речь идёт о енисейских эпитафиях, у второго — о надписях Алтая.

Такое мнение формируется по двум причинам, в равной мере порождённым отстранённостью филологического анализа от подлинников камнеписных текстов. Во-первых, в результате незнания филологами обрядовых особенностей населения раннесредневековой Сибири, в отличие от тюрков и уйгуров Монголии считавшего вечными — *beŋgü taş* — только древние камни и использовавшего для своих надгробных надписей иссечённые ветрами веков менгиры и скульптуры энеолита и раннего железного века. *Ни один* камень для енисейской эпитафии не был добыт в средневековых каменоломнях и его поверхности не были специально обработаны для письма. Другой древний обычай требовал от саяно-алтайцев нанесения кратких надписей в местах молений у открытых скал сначала языческим, а затем и манихейским божествам. Моления носили интимный характер, надписи не предназначались для чужих глаз. Во-вторых, указанная убежденность языковедов есть следствие кабинетной работы с недоброкачественными копиями и публикациями текстов, выполненными людьми без должной эпиграфической подготовки.

Закономерно, что именно в эпиграфике была впервые произведена систематизация рунических надписей по содержанию, очерчены допустимые пределы смысла тех или иных групп письменных памятников, что облегчило понимание и прочтение кратких текстов, оставленных на предметах и скалах.

Эпиграфика — наука историко-филологическая. В ней необходимо сочетать навыки археолога (и, шире говоря, историка культуры), основы филологических знаний, без которых немислимо прочтение текста, а также ясные и детальные представления в области местной истории. В последнее десятилетие стало особенно видно: без знания истории общества и без умения определить этнокультурную и государственную принадлежность древнего памятника не достичь успеха в его прочтении и филологическом анализе.

2

К концу XX века стало совершенно ясно и то, что *палеография* рунических памятников — область занятий не филологов, а всё тех же эпиграфистов.

Распространено утверждение, что руны изобретены для резьбы и высекания. Казалось бы, здесь всё верно: большинство рунических надписей,

действительно, нанесены на камни, скалы и металлические изделия. Однако этот миф науки опровергается эпиграфическим анализом. Выбитые и резные надписи содержат элементы скорописных написаний: их создатели привыкли к чернилам и туши, мягким и гладким писчим материалам (пергамену, бумаге, табличке), к скольжению тростникового пера или кисточки. Эти их писания не уцелели, а камнеписные строки, созданные по требованию местных обрядов, сохранились. В Хакасии и Монголии на скалах отыскивались рунические надписи, нанесённые чёрной и красной тушью, в древнехакасских курганах IX-XII вв. встречены перочинные ножички и чернильница — обыденные принадлежности писарей. Разбор показал: облик многих знаков енисейского и орхонского алфавитов не подходит для резьбы и сложился в условиях обычного скользящего написания. Руническая азбука изначально не предназначалась для начертания и вырезания.

Другое существеннейшее обстоятельство, вводимое в рунологию палеографией конца XX в., касается самих рунических алфавитов. Языковеды-тюркологи по традиции излишне обобщённо воспринимают весь, теперь уже крупный, массив азиатских рунических надписей. Однако филологи не могли и не смогут получить ясной лингвистической картины прошлого без точного следования палеографическому членению этих письмен. Без учёта сего важнейшего обстоятельства невозможна разработка истории рунического письма, неразрешима проблема его происхождения. Книга крупнейшего тюрколога России А.М. Щербака (2001), подводящая итоги научным поискам, проводившимся в XIX и XX вв. при традиционном подходе к проблеме, одновременно с предельной ясностью показала, какие узы накладывает этот метод даже на самые светлые и эрудированные умы. Признать руническую письменность тюркских народов тайнописью, лишь деградировавшей со временем, значит, отказаться от постижения её истинной первоначальной природы и уйти от объяснения непонятных особенностей. В своё время В. Томсен, закончив дешифровку орхонских рун, жалел о том, что он не В.В. Радлов, который был крупнейшим знатоком как живых тюркских языков, так и всего многообразия енисейских рунических памятников. Ограничивать сегодня решение главных рунологических проблем анализом лишь орхонских "царских" надписей, оставляя в стороне целый мир енисейских текстов, можно лишь не до конца ощутив тех источниковедческих ограничений, о которых печалился на заре нашей науки В. Томсен.

Палеография не есть только изучение видоизменения буквенных знаков со временем, как иногда полагают. Она занимается и происхождением письмен, и определением и изменением их состава, и распространением в пространстве и по эпохам, исследованием материалов и орудий письма, письменных школ, письменной культурой в целом. И во всех этих областях руническая палеография к концу XX в. достигла особенно серьезных результатов.

В конце XIX в., в 1895 г., в результате систематизации письменных знаков В.В. Радлов показал существование двух родственных, но самостоятельных рунических алфавитов: енисейского и орхонского. В XX в. к ним сначала добавился третий (таласский — 1929 г., С.Е. Малов), а затем было обосновано

бытование в Евразии 7-8 отдельных рунических азбук (1987 г., И.Л. Кызласов). Три из них, — енисейская, орхонская и таласская, — происходят от одного корня, а 4-5 других (применявшиеся в Восточной Европе, Средней Азии и Сибири) — имели совершенно другие истоки. Обособленно стоит тисское письмо VIII-XI вв. Взгляд на европейские и среднеазиатские рунические алфавиты как на одну из ранних локальных стадий формирования орхон-енисейского письма оказался безосновательным. Отныне прошлому науки принадлежит и само утверждение о былом существовании единой орхон-енисейской письменности.

Разграничение алфавитов, произведённое в конце XX в. помимо прочего позволяет востоковедам понять, что Южная Сибирь и Монголия были разделены на два культурных мира — так сказать, орхонский и енисейский. Составление академических сводов, группирующих надписи не по районам обнаружения, а по алфавитной принадлежности (и внутри каждого расчленяющих их по вариантам, изводам письма), создаст новые условия для филологического и исторического постижения раннесредневековых культурных реалий Южной Сибири и Монголии. В этом заключена одна из важных рунологических задач наступившего XXI века. Дело за изложением основ двух родственных рунологических дисциплин: енисейской палеографии и орхонской палеографии, размещаемых соответственно в рамках енисейской и орхонской эпиграфики.

Пристальный палеографический взгляд на более всего интересующие нас енисейские надписи выявил три местные особенности письма. До прочтения текста по облику составляющих его букв возможно определить, кто был автором надписи — средневековый, условно говоря, "алтаец", "тувинец" или "хакас". Филологу, объединившему тексты с такими особенностями, впервые удастся понять особенности отдельных языков раннего средневековья и прояснить историю современных национальных языков тюркской семьи. Для историка такое определение рисует живую картину движения образованных людей.

Внимание к палеографическим особенностям установило не этническую, а государственную принадлежность как енисейского, так и орхонского письма. Первым официально пользовалось только Древнехакасское государство и зависимые от него земли, вторым — только II Восточнотюркский, а за ним Уйгурский каганат и ряд их потомков. Можно думать, что таласская письменность применялась в государстве карлуков, а четвёртое, верхнеенисейское, руническое письмо, сохранявшееся чиками Тувинской котловины и совсем недавно замеченное наукой, осталось от какой-то ранней державы. Достаточно разбираться в формах рун, чтобы при взгляде на любую надпись, не читая её, установить к какому государству принадлежал оставивший её грамотей.

Сформированные в енисейской и орхонской эпиграфике положения могут быть распространены и на кубанскую руническую письменность тюркоязычных болгар. Археологическими и нумизматическими материалами подтверждается государственный статус этого письма в Волжской Болгарии. Показательно

сохранение официального положения кубанских рун в XI-XII вв. Более столетия спустя после принятия страной мусульманства и арабской письменности кубанское письмо использовалось в крупнейших городах (таких, как Билляр) и на местных монетах (параллельно с арабской легендой).

Другая возможность постижения классических рунических памятников Южной Сибири и Центральной Азии, замеченная эпиграфистом в конце XX в., — это строгое соблюдение направления письма и размещения личных тамговых знаков на памятных надписях. Енисейские эпитафии имеют тамгу внизу, у основания камня, а строки текста направлены снизу вверх. Противоположно размещение на орхонских стелах: тамга — у вершины камня, а ряды букв направлены сверху вниз. Вновь перед нами государственные правила оформления официальных надписей. Они выдерживались, не взирая на национальность умершего: первый канон — в Древнехакасском государстве, второй — во II Восточнотюркском и Уйгурском каганатах. Исследователю достаточно уяснить размещение тамг и текстов, чтобы до прочтения надписи определить в какой стране создан письменный памятник.

И вновь чики Верхнего Енисея оказываются в этом народе с особыми правилами. До подчинения кыргызам Древнехакасского государства, на их надгробных стелах (E2 и E 68/1) строки писались ни вверх, ни вниз, а поперёк камня. И тамга ставилась ниже горизонтальных строк. Внимание к этим эпиграфическим особенностям в 1998 г. привело к одному из важнейших открытий в рунологии XX в. Оказалось, что горизонтально размещённые строки писались не от верхней к нижней, как читалось всеми тюркологами, а от нижней к верхней. Затем уже не сложно было заметить, что и половина енисейских надмогильных текстов читаются тем же странным для нас образом. Строки всех орхонских памятных надписей, кроме стелы Тоньюкука, также оказались нанесены подобной восходящей лесенкой (в своё время у В.В.Радлова и В.Томсена вышел спор о таком порядке прочтения надписи в честь Кюль-тегина, но ему не придали указанного значения). Как объяснить это впервые замеченное необычное явление? Доступные материалы содержат две подсказки для разгадки. Во-первых, написание от нижней строки к верхней свойственна только поминальным надписям и не встречается среди других видов памятников енисейского или орхонского письма. Поскольку погребальная и поминальная практика — наиболее сакрализованная и оттого самая консервативная область обрядовой жизни человечества, ясно, что пред нами архаичная черта рунических памятников, уже к VIII в. изжитая в иных сферах культуры. Объяснение ей следует искать в гораздо более ранних эпохах. Во-вторых, способ размещения текста восходящей лесенкой оказался единым для памятников енисейского и орхонского алфавитов. Составляя их общее наследие, эта манера некогда отличала ту неведомую сегодня проторуническую письменность Азии, которая послужила основой формирования и енисейских, и орхонских письмен (Кызласов И.Л., 1998). Проблему происхождения рунической письменности больше нельзя решать, руководствуясь лишь формой составляющих её знаков.

Учёный, отыскавший страну древнего мира, применявшую письмо от нижней строки к верхней, этим укажет и район формирования проторунического письма.

Руническая палеография, изучая облик енисейских эпитафий, выяснила, что размещение текста на камне воспроизводит тот черновик, которым пользовался резчик. Во всех прослеженных случаях такие черновики-протографы оказались нанесены на деревянные стержни, планки или таблички (Кызласов И.Л., 1998). Текст классических енисейских стел, даже очень краткий, всегда занимает две, три или все четыре грани камня — протографами этих эпитафий служили надписи на четырёхгранных деревянных стержнях. Енисейские эпитафии чикского канона занимают только одну сторону камня, даже если количество их строк превышает два десятка — черновик в этом случае писался на одной поверхности связанных шнурами деревянных планок, сворачивавшихся как циновка. Так были умозрительно восстановлены неизвестные нам в реальных находках шесть вероятных форм древнейших письменных документов и книг тюркских народов. Они оказались очень архаичными и вновь использовались столь долго только в культовых целях — для написания сакральных поминальных текстов, затем воплощавшихся в камень. Записи иного назначения велись на бумаге, пергамене и прочих обычных для средневековья писчих материалах. Среди форм реликтовых письменных документов обнаружилось и те, которые были связаны с письмом восходящей лесенкой. Вероятно, манера такого размещения текста возникла при письме на узкой деревянной дощечке, вмещавшей только одну строчку букв. Затем дощечки низались на шнурки и первая оказывалась нижней, вторая ложилась выше неё и т.п. Такие составные документы известны в истории письменности — это архивы учётных записей храмовых хозяйств, существовавших на Востоке в бронзовом веке.

Настало время вспомнить о крупных открытиях, с которых начался для рунологии XX в. Они не связаны с каменными стелами и потому долго не привлекали должного внимания исследователей. Речь идёт об обнаружении в 1905 и 1908 гг. А. фон Лекока и Отани Сёсин в Турфанском оазисе двух обрывков бумаги, содержащих записи рунической азбуки, оставленные тысячелетие назад обучавшимися ей людьми. На первом фрагменте, изданный в 1909 г., под каждым руническим знаком было манихейским, письмом подписано его название или звуковое значение. Манускрипт использовался филологами для подтверждения правильности прочтения тех или иных рун. Второй фрагмент, впервые изданный в 1961 г., содержит три учебных попытки записать рунический алфавит. В 1990 г. сравнение фрагментов произвел О.Ф. Серкая, показавший существование строгого порядка в расположении знаков в азбучном ряду рун. Этого следовало ожидать, поскольку нет письменностей без устойчивого размещения составляющих их знаков. Мимо внимания филолога прошло другое обстоятельство, превращающее находку фрагментов в нерядовое событие рунологии.

Необходимо осознать, что благодаря им наука впервые увидела руническую азбуку не такой, какой её реконструируют сегодня по

сохранившимся текстам, а какой её знали сами писцы средневековья. Различия кардинальные (Кызласов И.Л., 1994, гл. III; 1998). Запечатлённый в рукописях порядок непохож ни одну письменность мира. Для палеографа это означает, что руническое письмо не было заимствовано от известных сегодня систем письма, т.к. при заимствовании в новой азбуке обязательно сохраняется порядок букв алфавита-предшественника. Рукописные рунические азбуки кладут конец гипотезам о происхождении письменности тюркских народов от сознательно переделанного согдийского или иного арамейского письма ещё и потому, что в них зафиксирован и совершенно нигде более не встречаемый способ группировки букв по две: каждая пара знаков отделена особыми словоразделительными отметками.

В последнее десятилетие XIX в. В. Томсен и В.В. Радлов сумели разгадать тайну рунического письма, не пойдя, как предшественники, путём подбора внешних соответствий его знакам, а постигая изнутри особенности построения его текстов. Через столетие палеография впервые получила подобную возможность — не со стороны, а изнутри постигнуть строй рунической азбуки. Два важнейших отличия от принятых наукой установок, немедленно выяснившихся при этом, уже названы мною. Следующая непредвиденная черта — значительно большее, чем считалось, число входивших в алфавит знаков: около 48 вместо 38. Среди них оказались буквы, весьма редко встречаемые в текстах, т.е. уже фактически вышедшие из употребления к VIII в. Иными словами, подлинная руническая азбука сама содержит сведения по своей истории и происхождению.

Начальный анализ этих данных показал, что древнетюркским азиатским рунам напрасно отказывалось в длительном развитии: в азбуке отразилось несколько этапов эволюции письма. Наиболее ранней была слоговая стадия, пройденная письменностями Западной Азии в бронзовом веке. Выявлен ряд знаков проторунической слоговой письменности, показано, что её развитие плавно вело к победе алфавитного принципа письма — число применявшихся слоговых знаков постепенно сокращалось. Явные следы этого так и не завершившегося процесса различимы в известных сегодня поздних памятниках этой письменности: енисейских и орхонских надписях Южной Сибири и Монголии.

Сказанного достаточно, чтобы понять умозрительность иных, не связанных с истинным азбучным строем подходов к происхождению и построению рунического письма, якобы, талантливо изобретённого одним человеком или группой людей и затем видоизменявшегося (деградировавшего) из-за постоянного введения новых (ювенильных) рун. Не случайно филологами было введено понятие излишних рунических знаков — реальное дублирование одной руной звукового значения другой невозможно объяснить без признания былой слоговой природы этой письменной системы.

Следует сказать, что орхонская письменность II Восточнотюркского каганата — самая молодая из зафиксированных рунологической наукой. Вероятно, она была получена при реформировании того предшествующего

письма, которое предложено именовать верхнеенисейским и которое сохранялось у чиков Тувинской котловины. Древнехакасская енисейская письменность также архаичнее орхонской.

Изучение строя рунической азбуки — одно из тех перспективных направлений рунологии начавшегося века. Однако уже сегодня ясно, что данные, полученные в двух сферах рунической палеографии, хорошо отвечают друг другу. Возводимый к бронзовому веку строй алфавита дополняется редчайшим в истории культуры, но общеруническим способом размещения строк от нижней к верхней, также восходящим к учетным записям бронзового века. Позволю себе предположить, что проторуническая письменность сложилась в Западной Азии не позднее XI-X вв. до н.э. По типу она, однако, отличалась от тех египетско-семитских силлабариев, которые стали главным направлением в развитии письма человечества. Правостороннее письмо, особенности записи губных гласных и стечения двух согласных, как и необъяснимая на тюркской почве парность соединения букв в азбуке, — заставляют думать, что руны зародились не в тюрко-, а в семитоязычной культурной среде.

Нельзя сказать, на каком этапе существования рунической письменности, где, когда и каким тюркоязычным народом она была заимствована, но это произошло без изменений строя письма. Нам неизвестны памятники этой древней письменности, кроме поздних её проявлений — тюркоязычных надписей. Не случись этого заимствования, не расцвела на Саяно-Алтае и в Монголии раннесредневековая цивилизация, не существовала в ней с VIII в. эпитафийного, и шире говоря, камнеписного обряда и, вполне вероятно, руническая система письма, самобытно и долгими веками развивавшаяся в стороне от основного пути истории письменности, сошла бы в небытие незамеченная наукой. Никто не знает, сколько письменных систем древности, применявшихся для записей на недолговечных материалах, постигла такая участь. Недаром наука не в силах постичь множества единичных эпиграфических находок, загадочность прочтения которых заключена в их непохожести на другие письмена.

Вполне понятно, что из рук эпиграфиста детально изученный и ставший достоверным рунический текст попадает в руки не только филолога, но и историка. Сегодня не стоит говорить о тех многочисленных ранее неведомых исторических фактах, которые почерпнули специалисты из нового для них источника. Отмечу главное, изменившее основы научного знания.

С расшифровкой рунического письма конец XIX в. принёс в европейскую науку осознание того, что тюркские народы Азии уже в раннем средневековье обладали письменной культурой. Этим были отвергнуты представления о неразвитости и отсталости тюркоязычных обществ столь далекой поры. Правда, такие взгляды проявляются в исторической литературе и поныне, но, уже по одному этому ясно, — лишь у людей малосведущих, отставших от серьёзной науки, как видим, на целое столетие. Любопытно в связи с нашей темой отметить и другое. В новом для себя знании о культуре тюркских народов

Европа в XIX в. лишь вернулась на уровень, занимаемый образованным западным обществом за тысячелетие до этого. Напомню, что, согласно житию, борясь за признание изобретённой для славян письменности, братья Кирилл и Мефодий в 863 г. опирались на известный им факт использования письмен у тюркских народов: тюрков и хазар (а также авар, тюркоязычность которых пока не доказана).

Открытие ранней письменной культуры наложило в науке на неизжитый шаблон восприятия тюркских народов как исконных кочевников. В XX в. для определения уровня этой письменной культуры в тюркологии широко распространилось высказывание С.Е. Малова о бродячих грамотеях (применённое в 1952 г., совсем по другому поводу, при обсуждении графических различий надписей). Близкие позиции занимал и Дж. Клосон, писавший в 1962 г. по поводу происходящей из Тувы стелы Хемчик-Чиргакы (Е 41): "Пли каменщик, который резал надпись, был настолько некомпетентен, что не мог правильно скопировать рукопись, которая была ему дадена, пли человек, делавший черновик, был мошенником, который посетил племенных вождей и начертил то, что должно было обозначать погребальные написания и чего они сами, не будучи способными читать, не восприняли как простое скопление бесформенных и бессмысленных букв" (с. 72). Сходные мысли стали общим местом в работах самых авторитетных тюркологов и алтаистов конца XX в. Вопреки этому, вопрос о квалификации писцов и камнерезов, создавших енисейские надписи, также был совершенно иначе разрешён к концу XX в. енисейской эпиграфикой.

Следы орудий, применявшихся для нанесения букв на енисейские стелы, свидетельствуют о том, что тексты высекали и вырезали профессионалы, каждый из которых обладал набором специальных инструментов. Они не обрабатывали камень не по неумению, а, как я уже упоминал, в соответствии с особенностями местного мировоззрения и ритуала. Высокообразованными людьми были и писцы, составлявшие тексты эпитафий. Среди наскальных надписей Алтая выявлен и обнародован краткий текст, содержащий кредо настоящей интеллигенции, видящей своё предназначение в образованности и книжности (надпись Ялбак-Таш II) (Кызласов И.Л., 1999). При привлечении иных данных, содержащихся в рунических надписях, было окончательно доказано существование в обществе тюркоязычных народов Азии уже к VIII в. особого профессионального сословия, живущего умственным трудом и обладавшего корпоративным самосознанием и этикой.

У этого историко-культурного открытия есть и ясные методические последствия, затрагивающие тюркскую филологию. Лингвистам теперь нельзя объяснять трудности в предлагаемых ими прочтениях неграмотностью писавших. Следует искать пробелы в собственных знаниях.

Сказанное не означает, что в надписях не встречается отклонений от строгих норм грамотного письма рунами. Однако енисейская эпиграфика показала, что даже когда есть формальные основания видеть в написании слов ошибки, дело обстоит не так просто. Оказалось, что эти ошибки нередко

указывают не на плохое усвоение рунического правописания, а на определённые предшествующие знания обучавшихся. Эти знания мешали им овладеть нормами рунического письма в полной мере. Систематизация материала выявила в енисейских надписях три типа орфографии (Кызласов И.Л., 1997). Первый тип — классическое руническое правописание — отличается большинством надписей и целиком отвечает построению рунического письма. Второй, названный полногласной орфографией, узнаётся по обозначению всех узких гласных в слове, чего не требует само руническое письмо. Третий, наиболее редкий, назван псевдорунической орфографией, поскольку не соблюдает главного правила рунического письма — различия букв для согласных в мягких и твёрдых слогах. Природа второго и третьего типов написания коренится в одном явлении — к изучению рунического письма приступали люди уже грамотные, умевшие писать какой-то иной, нерунической письменностью. Они невольно привносили в руническое письмо те посторонние для него правила, которые накрепко усвоили при получении первого своего образования.

Удалось найти первопричину возникновения полногласного написания — это орфография сирийского манихейского письма, распространявшегося в Азии манихейской религией. Наблюдение, сделанное при исследовании енисейских надписей, подтвердилось при изучении манихейских рукописей орхонского письма, найденных в Восточном Туркестане. Их тексты также выполнены в традиции полногласной орфографии. Нельзя пока точно указать, начальные знания какого алфавитного письма привели к появлению рунических надписей третьего типа. Неслучайно такого же рода ошибки в рунических написаниях делает сегодня интеллигенция коренных народов Саяно-Алтая, когда от привычной с детства кириллицы обращается к письму предков для придания национального колорита оформлению газет, афиш или телевизионных заставок.

Так, самым неожиданным образом, исследование ошибок в рунических надписях показало не столько неграмотность предков, сколько их многограмотность — владение одним человеком несколькими системами различного письма, из которых руническое изучалось им не в первую очередь.

Алфавитная рукопись из долины Тойока, прямо указывает на изучение рунического письма манихеями. Это делалось миссионерами для распространения новой веры среди тюркских народов и указывает на давнее укоренение рунической письменности в местном обществе к середине VIII в. Существование манихейства в Южной Сибири (где центром его вслед за Уйгурским каганатом уже в VIII в. сделалось Древнехакасское государство) доказывается четырьмя группами данных. Во-первых, это раскопанные в Хакасии манихейские храмы второй трети VIII — конца XII вв. (Кызласов Л.Р., 1998, 1999). Во-вторых, признанный факт применения лишь манихейством местного рунического письма. В-третьих, выявленные 42 енисейские надписи манихейского содержания (Кызласов И.Л., 2001). В-четвёртых, обнаружение в рунических памятниках Саяно-Алтайского нагорья новых правил орфографии, привнесённых из манихейского правописания.

Установление манихейства произвело в 60-е гг. VIII в. целую культурную революцию. Достаточно сказать, что доктрина одной из наиболее энциклопедичных религий Востока несла с собою культ книги и знаний, требование широкой грамотности населения, использование в богослужении национальных языков. Возникнувшая в Двуречье в III в. н.э., эта религия принесла в Южную Сибирь и написанные Мани священные книги. Вдумаемся: человек на Абакане или Катунь в IX-X в. читал о событиях, происходивших на Евфрате за шесть веков до этого! Или переводил книгу об этом с персидского, согдийского или иного языка на родную речь. Вот какими стали границы образованности предков за 1200 лет до наших дней. И такая насыщенная духовная жизнь продолжалась в Южной Сибири не менее 6 столетий. Принятие манихейства вызвало на Саяно-Алтайском нагорье взрыв местной грамотности — вот почему енисейских рунических надписей позднее VIII в. нам известно так много.

Осознание культурного расцвета, наступившего с приходом манихейства, кардинальным образом изменяет и ещё в большей степени изменит восприятие наукой средневековой истории Саяно-Алтайского нагорья и её памятников — енисейских рунических надписей. Рунологии XXI в. предстоит разобраться в том, какие тексты принадлежат к манихейскому периоду местной истории культуры, а какие к предшествующей языческой стадии развития Южной Сибири. Каждая из этих исторических ступеней имела свою духовную жизнь и не учитывать этого в исторических и филологических изысканиях отныне невозможно. Следует понять и исследовать те обряды обоих обозначенных этапов, которые требовали применения письма. В отношении доманихейского этапа эти обряды, вероятнее всего, укажут нам на ту мировоззренческую среду, с которой был прямо связан загадочный процесс древнего внедрения и вековечного сохранения рунической письменности тюркоязычных народов.

Перед тюркской рунологией теперь также стоит задача, следуя за оригинальными текстами, определить место сибирского манихейства в общей картине этого мировоззрения. Наука до сих пор различала две основных разновидности: западное и восточное манихейство, во многом окрашенные, соответственно, христианскими или буддийскими чертами. В енисейских надписях встречаются слова, взятые из сирийского, иранского, согдийского языков, из санскрита и китайского. Теперь нам понятно, что источником заимствования послужило изучение религиозных и естественнонаучных книг на всех этих языках.

Хорошо понимаю, что мне сегодня не перечислить все главные перспективы, которые открываются в изучении рунических тюркоязычных надписей. Ещё более осознаю невозможность предугадать те направления учёного поиска, которые откроются завтра. Но главный итог пройденного пути представляется вполне очевидным. На пороге нового века почти трёхсотлетнее исследование рунических надписей, воспринимавшееся и существовавшее как часть филологии, переросло в самостоятельную историко-филологическую науку — *тюркскую рунологию*. В применении к азиатским руническим

письменам эта наука включает в себя *енисейскую* и *орхонскую эпиграфику*, а также *орхонскую археографию*. Внутри названных дисциплин стоят увязанные с историей отдельных рунических алфавитов *енисейская палеография* и *орхонская палеография*, обобщение данных которых проводится в *тюркской рунической палеографии*.

С разработкой этих специальных дисциплин и связано, смею думать, развитие тюркской рунологии в наступившем веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. М., 1983.
2. Кляшторный С.Г. Терхинская надпись // Советская тюркология, 1980, № 3.
3. Кляшторный С.Г. Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
4. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992.
5. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.
6. Кормушин И.В. Текстологические разыскания в области енисейской руники. (К вопросу о женских поминальных надписях) // Turcologica. М., 1986.
7. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.
8. Кормушин И.В. Тюркская руническая надпись Е-134 из с. Усть-Сос, Хакасия // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Абакан, 1997 (а).
9. Кызласов И.Л. Древняя письменность саяно-алтайских тюрков. Рассказы археолога. М., 1994.
10. Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
11. Кызласов И.Л. Разновидности древнетюркской рунической орфографии (Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма) // Acta Orientalia, t. L, fasc. 1-3. Budapest, 1997.
12. Кызласов И.Л. Стелы с руническими надписями на Алтае. К выделению местных групп енисейских эпитафий // Вопросы тюркской филологии. Вып. III. М., 1997.
13. Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. II. III. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология, 1998, №№ 1 и 2.
14. Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // Российская археология, 1999, № 4.
15. Кызласов И.Л. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. М., 1999 (а).
16. Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001.
17. Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология, 1960, № 3.
18. Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. История, 1998, № 3.
19. Кызласов Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // Российская археология, 1999, № 2.
20. Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII — начало XV вв.) // Российская археология, 1994, № 1.

21. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951.
22. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952.
23. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.
24. Радлов В.В. Атлас древностей Монголии, вып. I-IV. СПб., 1892-1899.
25. Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. 1-4. СПб., 1892-1897.
26. Щербак А.М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы её распространения и особенности использования. СПб., 2001.
27. Clauson G., sir. Turkish and Mongolian Studies. London, 1962, chapter V.
28. Inscriptions de l'Énisséï recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'archéologie. Helsingfors, 1889.
29. Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1892.
30. Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Lfg. 1-